

ФОТО ЭДУАРДА ЛАПТОВА

Елена ЗЕМСКАЯ - доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России. Она работает в Институте русского языка имени Виноградова и всю жизнь изучает, как мы говорим. Мы же говорим так, как нам удобнее и как привыкли, не особенно обращая внимания на форму. И когда перестаем понимать друг друга, задумываемся: что же происходит с языком, в какую сторону держит путь наш великий и могучий?

Елена Андреевна, со школьных лет мы слышим призывы говорить правильно, литературно. Со временем понимаешь, что «литературно» говорят, пожалуй, только иностранцы, учившие язык по самоучителю и не успевшие как следует попрактиковаться. И живем мы с этим литературным языком как бы в параллельных мирах, пока не придется выступить с трибуны или написать, скажем, исковое заявление, что случается нечасто. Выходит, русский язык, которым так восторжались классики, годится в основном для торжественных случаев?

— Когда в 60-е годы мы начали записывать и изучать разговорную речь, то были потрясены. Люди, читая наши записки, не могли поверить: мол, это невозможно, так не говорят... Ведь разговорный язык - это совершенно другая система. В ней допускается иной порядок слов, даже без интонационных знаков препинания: «Пальто мое новое видел как сшили?» Если есть слова *бездорожье* и *бездушие*, то, значит, могут появиться и *безбалконье*, и *безмагазине*.

В отличие от просторечия, на котором говорят малообразованные люди, разговорная речь - полноправная часть русского литературного языка. Но книжный язык изучают, а разговорный - нет, отсюда и расхожее мнение, будто следование нормам разговорной речи - ошибка. Ничего подобного. Просто у такой речи свои нормы, и пользуются ею в особых ситуациях. Это язык неофициальный, непринужденный, требующий близких отношений с собеседником, тогда он уместен. Как, впрочем, и авторская колонка с доверительной интонацией в газете, и письма читателей.

Существует масса ситуаций, и каждая требует соответствующего воплощения в языке. Не будет же пациент разговаривать с врачом так же, как с соседкой. Разговорный язык позволяет человеку действовать в соответствии со своими вкусами и способностями. Один привык к штампам и стереотипам, а другой творит новые слова.

— Например?

— Это может быть языковая игра: «Какой был торт! Обалдемон». Или словохарактеристики: *актрисуля*, *причесон*, *ожидаловка*.

Разговорная речь всегда живая, экс-

прессивная, выразительная. Например, научный работник принес руководителю свою диссертацию и говорит секретарше: «Я ему оставляю свою бодягу». Или: «Эти цитаты нужны для шлаку» (для наукообразия). О женщинах-сослуживцах: «Они там все засушенные, гербарные...»

Вместо того чтобы искать слово, иногда бывает проще описать предмет: не ручка или карандаш, а *чем писать*, вместо человек в очках - *в очках*. Или можно тут же придумать новое: «А где же наша колодка? Пора бы уж!» (о медсестре). «Как вам его мемуары? Чувствуется, что сам вспоминатель противный». «Эта музыка не танцевальна. Она слухабельна».

Порой язык упрощается до предела, чтобы только можно было понять. Например, две женщины готовят салат, одна льет в него уксус. Другая говорит: «Ты не пере-это?» «Стараюсь не пере».

У разговорной речи свое место, свои функции. Тут есть стремление освободиться от шаблона, которое требует вкуса. Есть и лень, нежелание утруждать себя поисками уже готового. Но если бы все заговорили официальным книжным языком, наступила бы тоска смертная.

— У нас часто повторяют тургеневские слова о русском языке - великий и могучий, правдивый и свободный... Неужто и в этом мы превзошли весь мир? Но тогда почему так беден словарь, например, при обращении друг к другу? Все больше по половым признакам (девушка, мужчина, бабуля), по роду занятий (отдыхающий, больной, пассажир). Да еще на рынке можно услышать от нерусско-го продавца - «уважаемый»...

— Да, это недостаток нынешнего языка. Но я изучала минувшие века и знаю - были у нас разные формы обращения. В дневниковых записях, например, читала, что девочку в гимназии называли «госпожа Покровская». А ей было 13 лет.

— Я еще застала отзвуки того времени. Моим учителем был академик Виноградов. У нас были довольно близкие человеческие отношения, и однажды он с женой пришел ко мне в гости. Моей дочке было 6 лет, и академик поздоровался с ней в коридоре: «Здравствуйте, Людмила Всеволодовна». Предварительно потрудился узнать отчество...

— Профессорский юмор?

— Ничего подобного. Мы познакомились, когда мне было 18 лет, и он меня всегда называл только Елена Андреевна, и никак иначе. Так же уважительно он обращался ко всем студентам. Кстати, с женой своей он был на «вы».

Сейчас это кажется неестественным, а полвека назад так было принято среди интеллигентных людей. Социальные перемены привели к тому, что обращения ушли, и это жалко. *Государь мой, сударь, господин, дама...* Будет неплохо, если, например, *сударыня* вернется. Чем это хуже *лани* или *мадам*... Порой такое уже встречается. Молодые ребята продают какую-то мелочь. Спрашивают:

знает язык страны, где живет, а родной язык уже портится. Это фонетический закон. Конечно, и реклама вносит свой вклад.

Да и вообще речь нынешних тележурналистов и их собеседников кишит словами-паразитами: тут и *озвучить*, и *будем так говорить*, и бесконечные *на самом деле*.

А заимствованное выражение удволивости - *вау*, жесты кое-какие... Думаю, что это попытка создать свой имидж - этаких современных и раскованных, уставших от зарубежных поездок... Даже отчество отмирает благодаря трудам журналистов. Смотришь теле-

ют те группы населения, которые играют заметную роль - политики и чиновники, молодежь, уголовный мир. Трудная жизнь ведет к огрублению языка, и в результате получаем современный русский разговорный язык.

— Вы говорите об огрублении, но в то же время на каждом шагу слышно елейное: на улице - *не подсажуете, сколько времени?* В магазине - *пятьдесят копеечек не найдется?* В парикмахерской - *вам под скобочку?*

— Все это - псевдовежливость, неумение найти подходящую форму. Проявляется и униженность вековая, привычка подлизывания к собеседнику. Как

ЧТО-ТО ТИПА ПРОИСХОДИТ С НАШИМ КАК БЫ ЯЗЫКОМ...

«Сударыня, вам не нужны детские книжки?» Или в метро недавно слышу: «Дама, проходите». А на официальном собрании *господин, госпожа* - это часто можно услышать.

Что касается Тургенева, то он ведь даже прозу порой писал в стихах, восхищался своим родным языком и хвалил его как мог. Это как влюбленный о своей женщине - не стоит понимать его буквально и слишком серьезно относиться. Один немецкий филолог написал статью, где не соглашался с этими тургеневскими словами. Мне кажется, вообще странно говорить, что русский язык лучше английского или французский лучше немецкого... У каждого свои недостатки и свои неповторимые черты. Да, у нас нет десятков названий снега, как у северных народов, но зато мы можем выразить такие нюансы, которые трудно перевести. На вопрос «как живете?» американец ответит «файн». А у нас - и замечательно, и ничего, и так себе, и даже - ой, и не спрашивайте...

— Вы с коллегами издали «Словарь общего жаргона». Вас чем-то привлекает жаргон? И почему он вдруг стал общим?

— Общий он потому, что туда вошли слова из разных жаргонов - от финансового до воровского, которые стали общепотребительными, встречаются на радио, телевидении, в прессе. Иностранцы переводчики в растерянности: что такое *отмороженный чмо?* Или *срубить бабки, платить зеленью? Лимон и халыва?* Почему среди школьников так много *ботаников* и отсутствуют, скажем, *историки* и *физики*?

А привлекает он меня тем, что в нем множество выразительных слов, не противоречащих духу языка, лаконичных, образных - *челнок, за бугром, вырубиться, приватизация*. В ответ на *монетизацию* появилось ироничное *монетизадница*... Или - *тусовка*, очень удобное слово, с шутовым оттенком. Ведь в языке нет аналога такому сборищу, где люди не организованы, разговоры и контакты случайны, как в карточной игре. Я обрадовалась, когда услышала его из уст самого Солженицына, ярого врага небрежности словоупотребления.

Есть, конечно, и крайности (вроде: *где оторвал забойный прикид? Сколько отслонявил?*), но они выходят из употребления вскоре после окончания школы, а тем более с поступлением в вуз.

— Были времена, когда речь радио- и теледиджтеров считалась образцовой. А сегодня реклама идет с этакими ухарски-приблатненными интонациями: «На первом! Канале». Или в конце фразы интонация ползет вверх, хотя никаких вопросов нет...

— Что касается смещения интонации, то это американское влияние. Казалось бы, как Америка может влиять на русских людей? Но я специально изучала язык русских эмигрантов, и оказалось, что в первую очередь меняется интонация. Человек еще толком не

визор - «У нас в гостях профессор Андрей Петров. Скажите, Андрей...» - обращается к нему ведущий, который этому «Андрею» во внуки годится. Да и мне часто приходится слышать при знакомстве: «Люда». - «Простите, а ваше отчество?» - «Я еще молодая...» Это говорит дама, которой за сорок.

— Опять во всем виноваты журналисты. И что теперь с нами делать?

— Ну что с вами поделаешь... Нам самим надо стараться говорить хорошо - и в семье, и в обществе. И чтобы в школе хорошо учили.

— Нуждается ли русский язык в защите?

— Язык-то нет, а вот большинство говорящих на нем нуждается в повышении культуры. Язык же способен самоочищаться. Вслед за *мэном, герлой* и *чуваком* исчез и *консенсус*. Лишнее уйдет, останется только необходимое и жизнеспособное. С ненужными словами язык справляется. Вылечился от канцелярита со всеми его *сувенирными изделиями* и *моющими средствами*. Идешь по городу - вместо гастрономов и продовольственных товаров - *еда, продукты*. Гораздо хуже порча языка словами-паразитами - *типа, как бы*, безответные переспрашивания: «Все эти реформы, да? пока не сделали народ богаче, да?»

Моя знакомая говорит: «Приходи ко мне в гости, у меня типа день рождения». Вот и думай: готовить подарок или «типа подарок».

Такая приблизительность в языке, словно люди не решаются быть точными, уверенными в своих словах.

Но порча, на которую так остро реагируют пессимисты, затрагивает не систему языка, а лишь умение говорить и писать. Язык не портится, он ожил. Редко кто может говорить в официальной обстановке грамотно и раньше речи читали по писаному. Сравните у Галича: «Я как мать говорю, как женщина...» Первым отказался от бумажки Горбачев, полезли ошибки. Да и люди не стали говорить хуже, просто мы услышали прежде молчавших, у них развязались языки. Они заговорили свободно, без страха, расцвел жанр интервью, прохожие отвечают на вопросы репортеров, диалоги в прямом эфире...

Еще Ломоносов разделил речь на стили - высокий, нейтральный и сниженный. Раньше нормой был запрет, теперь нормой стал выбор. Выбирай: уста - рот - хлелало, вещать - говорить - молоть. Сегодня межстилевые границы стираются, вкрапление в деловую речь жаргонных слов, интеллектуальное ерничество - обычное дело. «Виртуальная авоська общего пользования» - это об Интернете. «Мебель Италии. Последние феньки». Но во всем, как говорил Пушкин, должны быть соразмерность, чувство меры.

А заимствования - вроде *саммитов* и *электората, файлов* и *брокеров* - неизбежная вещь. Наш словарь подпитыва-

вам нравится «Еленочка Андреевна»? Так меня называет один знакомый, когда хочет понравиться. Все это за пределами хорошего языка.

Нередко для того, чтобы смягчить явление, сделать его менее шокирующим, используют новые слова: не убийца, а киллер, не проститутка, а путана, не бесстыдная расправа, а зачистка.

Правда, есть еще и докторские уменьшительные словечки. Когда я болела, ко мне приехал замечательный врач, хороший профессионал с добрым лицом. Он старался выразить ласковое отношение к больному и говорил так: на бочок повернитесь, сердечко послушаю... Как мы говорим детям: *помой ручки*... Но это уже не магазинное «колбаски полкило», а совсем другое дело.

— Все ли вопросы решены в русском языке, хотя бы в правописании?

— Такого не может быть в принципе. Язык - одно из самых сложных явлений, он меняется. Он в чем-то зависит от человека, а в чем-то - совершенно самостоятелен и развивается по своим законам, которые нам не до конца понятны. Например, во всех славянских языках такие существительные, как *кино, метро, пальто* склоняются, у нас - нет. В двадцатых годах прошлого века один известный ученый написал, что мы тоже со временем начнем склонять. И все поверили. Однажды мой коллега, тоже ученый, решил это проверить. Он вошел в троллейбус и нарочито громко спросил: «Вы у метра сойдете?» Вы не представляете, что тут началось... На него стали кричать, его готовы были побить. Люди подчас готовы простить многое, но не слово, сказанное иначе. Если они считают, что *метро* не склоняется, то так тому и быть, никакие аргументы не помогут. Поэтому говорить, как должен себя вести язык и что с ним будет - занятие неблагоприятное.

— Сегодня вместо прежнего «на Украине» можно услышать «в Украине». Говорят, украинцам так больше нравится, поскольку-де теперь Украина - самостоятельное государство.

— Думаю, что изменения в языке мало зависят от политических перемен. «В Украине» можно прочитать и у Толстого. Тогда люди работали «в фабрике», а гончаровский Обломов жил «в Гороховой улице». Но в двадцатом веке более частым стал предлог «на». Поэтому скорее всего сохранится привычное «на Украине».

А вообще-то я - за вариативность. Если продавец не понимает мой привычный творОг (скорее всего приезд), я говорю твОрог. Есть в языке такие «точки колебания»: *пальто, кино* - среднего рода, а *кофе* - мужского. Поэтому «черное кофе» сейчас хоть и ошибка, но не грубая. Думаю, что в будущем именно так мы и будем говорить.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ